

Конфликт ожиданий в аудиторской практике выявления недобросовестных действий

В.М. Сушков

ассистент кафедры финансового мониторинга НИЯУ МИФИ, Москва

Email: VMSushkov@mephi.ru

Аннотация: В практике аудита исторически существует противоречие между высокими требованиями пользователей финансовой отчетности в отношении выявления недобросовестных действий и фактическими ограничениями аудиторских процедур, что создает конфликт ожиданий, негативно влияющий на доверие к профессии. В статье представлен комплексный анализ природы конфликта ожиданий через призму его основных компонентов (конфликт знаний, реализации и развития), рассмотрены современные подходы к его разрешению, включая новации пересмотренного МСА 240, а также определены перспективные направления совершенствования методологии аудита в области выявления недобросовестных действий.

Ключевые слова: аудит, недобросовестные действия, мошенничество, конфликт ожиданий, разрыв ожиданий, МСА 240

Expectation gap in audit practice for detecting fraud

V.M. Sushkov

Assistant, department of financial monitoring, NRNU MEPHI, Moscow

Email: VMSushkov@mephi.ru

Abstract: In audit practice, there has historically been a contradiction between the high expectations of financial statement users regarding fraud detection and the actual limitations of audit procedures, creating an expectation gap that negatively impacts trust in the profession. The article presents a comprehensive analysis of the expectation gap's nature through the lens of its main components (knowledge gap, performance gap, and evolution gap), examines contemporary approaches to its resolution, including innovations in the revised ISA 240, and identifies promising directions for improving audit methodology in the area of fraud detection.

Keywords: audit, unfair actions, fraud, conflict of expectations, expectation gap, ISA 240

История аудиторской профессии неразрывно связана с недостаточным пониманием обществом роли аудитора и его ответственности в отношении выявления недобросовестных действий. Данная фундаментальная проблема, уходящая корнями в самые истоки аудита, приобрела наибольшую остроту в начале 2000-х годов, когда финансовые скандалы и крах таких корпоративных гигантов, как Enron, WorldCom, Xerox и крупнейшей в то время аудиторской организации Arthur Andersen вызвали масштабный общественный резонанс относительно эффективности существующей системы финансового контроля [1].

Согласно отчету Ассоциации сертифицированных специалистов по расследованию мошенничества (ACFE) под названием «Report to the Nations 2024», внешние аудиторы выявляют лишь 3% случаев корпоративного мошенничества [2]. Данный показатель уступает не только случайным обнаружениям мошенничества (5%), но также обнаружениям по наводке, в ходе внутреннего аудита, контроллинга менеджмента, экспертизы документов и сверке счетов (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Источники выявления корпоративного мошенничества [2]

Несмотря на то, что внешний аудит традиционно рассматривается как завершающее звено в системе контроля, выявляющее недобросовестные действия только после реализации других контрольных механизмов, профессиональное сообщество признает неудовлетворительно низкий уровень эффективности аудиторских процедур в данной области [1, 3].

Так, в научной и профессиональной литературе с 1970-х годов активно исследуется феномен «expectation gap» (разрыв, или конфликт ожиданий), характеризующий фундаментальное противоречие между ожиданиями пользователей финансовой отчетности относительно возможностей аудиторской деятельности и фактическими ограничениями аудиторских процедур, проводимых в соответствии с международными стандартами аудита (далее – МСА) [4, 5, 6]. Согласно концептуальному подходу, предложенному Дж. Робертсоном в 1976 году, ключевым фактором

формирования данного несоответствия является объективная ограниченность компетенций внешних аудиторов в сфере расследований, а также методологические барьеры, препятствующие эффективному выявлению недобросовестных действий в рамках стандартных аудиторских процедур [7].

Детальный анализ данного феномена представлен в публикации Ассоциации присяжных сертифицированных бухгалтеров (ACCA) «Closing the Expectation Gap in Audit» от 2019 года [8]. В данном исследовании выделяются три основных компонента конфликта ожиданий: конфликт знаний, конфликт реализации и конфликт развития (см. рисунок 2). Понимание указанных составляющих имеет принципиальное значение для совершенствования аудиторской практики и повышения доверия заинтересованных сторон к результатам аудита.

Рисунок 2 – Компоненты конфликта ожиданий в аудите [8]

1. Конфликт знаний (англ. knowledge gap) – фундаментальное расхождение между общественными представлениями о функциях аудита и фактическими требованиями МСА. Данный конфликт проявляется в завышенных ожиданиях пользователей отчетности, которые зачастую воспринимают аудит как абсолютную гарантию отсутствия искажений, вызванных как ошибками, так и недобросовестными действиями. Между тем, в соответствии с МСА 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» аудиторская проверка предоставляет лишь разумную уверенность в достоверности финансовой отчетности и проводится на принципах существенности и выборочного тестирования [9]. Подобные ограничения являются неотъемлемыми, поскольку аудитор не проводит сплошную проверку всех фактов хозяйственной деятельности организации [10]. Непонимание данных основ создает почву для репутационных рисков и снижения доверия к аудиторскому заключению в случае обнаружения нарушений, которые аудитор заведомо не обязан был выявлять.

2. Конфликт реализации (англ. performance gap) – несоответствие между требованиями МСА и их практической реализацией. Данный конфликт обусловлен двумя ключевыми факторами: сложностью интерпретации некоторых положений стандартов и различиями в трактовке стандартов практикующими аудиторами и регуляторами. Неоднозначность формулировок, противоречия между различными требованиями и

вариативность профессиональных суждений приводят к неоднородности аудиторских подходов и потенциальным нарушениям установленных процедур. Особую остроту данный конфликт приобретает при оценке сложных финансовых инструментов, определении уровня существенности, выявлении и оценке рисков существенного искажения [1, 11].

3. Конфликт развития (англ. evolution gap) – разрыв между традиционными методами аудита и потребностями современной экономики в условиях цифровизации и усложнения бизнес-процессов. Данный конфликт отражает необходимость трансформации аудиторской практики с учетом технологических достижений, изменения общественных ожиданий и возрастающей потребности в создании дополнительной ценности от аудита. Внедрение инструментов анализа больших данных, искусственного интеллекта и блокчейн-технологий требует пересмотра классических аудиторских подходов. При этом возникает фундаментальное противоречие между скоростью технологических изменений и консервативностью МСА, что создает препятствия для эволюционного развития аудиторской деятельности [1, 11].

В таблице 1 представлен сравнительный анализ компонентов конфликта ожиданий в аудите в разрезе причин их возникновения, потенциальных путей разрешения и присущих ограничений.

Таблица – Сравнительный анализ компонентов конфликта ожиданий в аудите

Критерий сравнения	Конфликт знаний	Конфликт реализации	Конфликт развития
Причины	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Недостаточное понимание сущности и ограничений аудиторских процедур ▪ Несогласованность в трактовках стандартов бухгалтерского учета и аудита ▪ Разрыв между профессиональным и общественным пониманием роли аудитора 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Неясность отдельных аспектов МСА, приводящая к их непоследовательному у применению ▪ Недостаточная методическая поддержка ▪ Внешнее давление на аудиторов со стороны руководства и сжатых сроков ▪ Недостаточный уровень подготовки аудиторов 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Отставание стандартов от трендов экономики ▪ Усиление потребностей в оценке непрерывности деятельности и выявлении корпоративного мошенничества ▪ Повышение внимания к вопросам корпоративной культуры
Пути разрешения	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Разработка более четких формулировок ответственности аудитора в аудиторском заключении ▪ Образовательные программы для пользователей 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Разработка дополнительных руководств по применению стандартов ▪ Улучшение программ обучения и повышения 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Разработка новых форм аудиторских услуг ▪ Улучшение методологии оценки непрерывности деятельности и

	финансовой отчетности <ul style="list-style-type: none"> ▪ Улучшение процесса коммуникации аудитора и клиента 	квалификации аудиторов <ul style="list-style-type: none"> ▪ Улучшение систем управления качеством 	выявления мошенничества <ul style="list-style-type: none"> ▪ Включение в МСА аспектов, связанных с оценкой корпоративной культуры
Ограничения	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Сложность донесения технических аспектов аудита до широкого круга пользователей ▪ Различия в уровне финансовой и правовой грамотности заинтересованных сторон ▪ Ограниченные ресурсы для образовательных инициатив 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Коммерческие стимулы, снижающее качество аудита ▪ Конкуренция на рынке аудиторских услуг ▪ Ограниченность временных и человеческих ресурсов ▪ Сложность балансирования между скоростью и качеством работы 	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Нормативные ограничения ▪ Методологические трудности оценки качественных аспектов деятельности компаний ▪ Высокая скорость изменений в деловой среде, опережающая развитие аудиторских подходов

Вышеописанные компоненты конфликта ожиданий принимаются во внимание при разработке профессиональных стандартов и методических материалов Советом по международным стандартам аудита и подтверждению достоверности (IAASB) Международной Федерации Бухгалтеров (IFAC) [11].

В то же время, в научной литературе выделяется несколько дополнительных компонентов. Одним из таких является конфликт толкования (англ. interpretative gap), который проявляется в расхождении между тем, как заинтересованные пользователи финансовой отчетности интерпретируют требования к аудиторам, и тем, что фактически предписано МСА. Кроме того, существует конфликт разумных ожиданий (англ. reasonableness gap), отражающий несоответствие между общественными ожиданиями от аудиторов и их реальными возможностями в рамках существующих ограничений аудиторской деятельности.

Особого внимания заслуживает конфликт ретроспективы (англ. hindsight gap), связанный с человеческой склонностью переоценивать предсказуемость событий после их наступления. В контексте аудита это проявляется в различии между ожиданиями заинтересованных сторон до и после наступления негативных событий. Данный аспект тесно связан с информационным конфликтом (англ. information gap), который в некоторых источниках также именуется как конфликт знаний (англ. knowledge gap), и конфликтом исполнения (англ. delivery gap).

Конфликт ожиданий пронизывает различные аспекты аудиторской деятельности, однако наиболее ярко проявляется в контексте выявления недобросовестных действий. В соответствии с МСА 240 «Обязанности аудитора в отношении недобросовестных действий при проведении аудита финансовой отчетности», недобросовестные действия представляют собой

умышленные действия одного или нескольких лиц из числа руководства, лиц, отвечающих за корпоративное управление (ЛОКУ), работников или третьих лиц, совершенные при помощи обмана для получения неправомερных или незаконных преимуществ [12]. Характеристика, отличающая недобросовестные действия от ошибки, заключается в умышленности действий, которые приводят к искажению в отчетности.

Особую актуальность проблематика в отношении недобросовестных действий приобретает в силу того, что именно данная область наиболее подвержена влиянию неотъемлемых ограничений, не позволяющих в полном объеме выявлять недобросовестные действия.

Ключевые неотъемлемые ограничения аудита возможно обобщить следующим образом:

1. Ответственность за выявление и предупреждение недобросовестных действий возложена не на аудитора, а на ЛОКУ и руководство. Цель аудитора – выявить и оценить риски существенного искажения вследствие недобросовестных действий (далее – РСИНД), в ответ на которые провести надлежащие аудиторские процедуры;

2. Для целей МСА рассматриваются только недобросовестные действия, которые могут привести к существенным искажениям в финансовой отчетности;

3. Недобросовестные действия зачастую предполагают использование сложных и запутанных схем, включая сговор и введение аудитора в заблуждение;

4. Аудитор не определяет с правовой точки зрения, действительно ли имели место недобросовестные действия;

5. Полученные аудиторские доказательства предоставляют разумную, но не абсолютную степень уверенности [10].

Принимая во внимание указанные ограничения, в профессиональном сообществе, тем не менее, активно обсуждается необходимость расширения обязанностей аудитора в области выявления недобросовестных действий. Так, IAASB в публичных материалах, основанных на проведенных опросах общественности, выделяет 4 потенциальных способа преодоления неотъемлемых ограничений аудита и, как следствие, частичного разрешения конфликта ожиданий [11].

1. Привлечение экспертов в области форензика и ИТ

В современной практике аудита всё более актуальным становится вопрос привлечения профильных специалистов по расследованию корпоративного мошенничества в качестве экспертов аудитора в соответствии с МСА 620 «Использование работы эксперта аудитора» [13]. Форензик (от англ. forensic – судебный) представляет собой специализированное исследование организации с целью выявления фактов коррупции, незаконного присвоения активов или фальсификации

финансовой отчетности, которые могут быть использованы собственниками или судом [14].

Участие форензик-экспертов в аудиторской проверке уместно на этапе обсуждения потенциальных областей существенного искажения отчетности вследствие недобросовестных действий, при проведении опросов руководства компании и выполнении специальных аудиторских процедур в ответ на выявленные риски. Форензик-эксперты, обладая специализированными навыками и методами расследования, способны получить более глубокое понимание РСИНД, характерных для конкретной организации.

Важно отметить, что внедрение практики привлечения форензик-экспертов должно осуществляться с учетом специфики каждого конкретного аудиторского задания и его целей. Необходимо принимать во внимание вопросы масштабируемости данного подхода, особенно для малых аудиторских компаний, не имеющих собственных специалистов данного профиля. Актуальным также является вопрос усиления уровня подготовки самих аудиторов в области форензик-расследований и выявления недобросовестных действий в рамках профессионального образования и повышения квалификации.

Перспективным направлением развития аудиторской практики является также привлечение специалистов по информационным технологиям, обладающих компетенциями в области интеллектуального анализа данных, машинного обучения, нейросетей. Данные инструменты и методы позволяют производить тестирование полных массивов данных и автоматически выявлять в них нетривиальные закономерности, свидетельствующие о повышенных рисках недобросовестных действий [15]. Однако, как и в случае с форензик-экспертами, важно учитывать специфику аудируемых лиц и возможности аудиторских организаций.

2. Повышенное внимание к индивидуально несущественным фактам недобросовестных действий

Аудитор, руководствуясь профессиональным суждением, должен принимать во внимание, что даже несущественные искажения, вызванные недобросовестными действиями, могут сигнализировать о более глубоких проблемах в корпоративной культуре организации. Так, незначительные, но систематические недобросовестные действия со временем могут накапливаться и приобретать существенный характер, как в количественном, так и в качественном выражении.

При обнаружении признаков недобросовестных действий, независимо от их существенности, аудитор должен провести переоценку рисков существенного искажения и пересмотреть ответные аудиторские процедуры. Особенно критичными являются случаи, когда существуют основания полагать, что в недобросовестные действия вовлечено высшее руководство организации. В таких ситуациях необходимо учитывать

возможность сговора между сотрудниками, руководством и третьими лицами, что может поставить под сомнение надежность ранее полученных аудиторских доказательств [12].

3. Выявление недобросовестных действий третьих лиц

Недобросовестные действия третьих лиц – это действия внешних лиц, использующих доступ к системам или процессам организации в злонамеренных целях [11]. Данный вид недобросовестных действий реализуется не аудируемым лицом, а его поставщиками, подрядчиками или провайдерами услуг, которые могут неосознанно или преднамеренно быть вовлечены в мошеннические схемы, коррупцию, вывод активов, кражу конфиденциальной информации.

Как было отмечено ранее, текущая методология аудита предписывает выявлять и оценивать РСИНД, присущих непосредственно аудируемому лицу, а также разрабатывать и реализовывать соответствующие процедуры в ответ на эти риски. Однако в данном подходе наблюдается недостаток процедур в отношении недобросовестных действий третьих лиц.

Так, в научной литературе активно обсуждается необходимость проведения процедур по выявлению недобросовестных действий, которые напрямую не влияют на достоверность финансовой отчетности, но могут существенно воздействовать на репутационные и операционные риски организации [11]. Например, кибератаки, приводящие к хищению конфиденциальной информации клиентов, формально не искажают финансовые показатели, но могут иметь серьезные последствия для бизнеса. Повышенное внимание к данному вопросу отражает современные тенденции к расширению роли аудита в системе корпоративного управления и контроля.

4. Совершенствование системы управления качеством в аудиторской организации

Современная система управления качеством в аудите претерпевает существенные изменения, направленные на усиление механизмов выявления и предотвращения недобросовестных действий. Международный стандарт управления качеством 1 (МСК 1) устанавливает требования к аудиторским организациям по внедрению политик и процедур, обеспечивающих объективную оценку значимых суждений аудиторской группы и сформулированных выводов [16]. Особое внимание уделяется аудиту финансовой отчетности публичных компаний, в которых последствия потенциальных искажений существенно выше других участников рынка.

Примечательным является опыт Японии, где в 2013 году принят специализированный стандарт по противодействию мошенничеству в ходе аудита публичных компаний [11]. Данный стандарт существенно расширил требования к процедурам управления качеством, связанным с выявлением недобросовестных действий. В частности, стандарт предписывает

проведение проверки качества на ключевых этапах аудита, особенно при формировании значимых суждений и выводов относительно РСИНД. Новацией стандарта является требование о недопустимости выражения аудиторского мнения до завершения всех процедур проверки качества проведения аудита в случаях, когда возникает подозрение в недобросовестных действиях.

Парадигма управления качеством в аудите, установленная МСК 1, МСК 2 и пересмотренным МСА 220, предполагает комплексный подход к управлению рисками недобросовестных действий, охватывающий все компоненты системы управления качеством: от процесса оценки рисков до принятия и продолжения работы с клиентом или задания, управления ресурсами, процесса мониторинга и устранения недостатков. Такой подход позволяет создать эффективный механизм выявления конфликтов между заявленными и фактическими данными финансовой отчетности, способствуя повышению качества аудиторских заключений и укреплению доверия к профессии в целом.

Следует отметить, что в ответ на рассмотренные ограничения и возрастающие требования пользователей финансовой отчетности, IAASB произвел пересмотр МСА 240, действовавшего более полутора десятилетий. Процесс модернизации стандарта, инициированный в 2020 году, был успешно завершен официальным утверждением обновленной версии стандарта 21 марта 2025 года (см. рисунок 3). Пересмотренный стандарт вступает в действие применительно к аудиторским проверкам финансовой отчетности за периоды, начинающиеся после 15 декабря 2026 года.

Рисунок 3 – Временная шкала разработки пересмотренного МСА 240 [17]

Принципиальное значение в пересмотренном МСА 240 уделяется усилению роли профессионального скептицизма на всех этапах аудиторской проверки, что находит отражение в расширенных требованиях к документированию аудиторских процедур и углубленном подходе к идентификации РСИНД. Особое внимание уделяется необходимости

оценки рисков через так называемую «призму мошенничества» (англ. fraud lens), которая предполагает особый фокус на потенциальных индикаторах недобросовестных действий в финансовой отчетности.

Важным нововведением стандарта является усиление коммуникационной составляющей аудиторского процесса. Стандарт предусматривает более интенсивное взаимодействие аудиторов с руководством проверяемого субъекта и лицами, отвечающими за корпоративное управление (ЛЮКУ). Кроме того, повышается прозрачность аудита посредством включения в раздел «Ключевые вопросы аудита» аудиторского заключения вопросов, связанных с рисками недобросовестных действий. Данное нововведение будет способствовать повышению информативности аудиторских заключений для заинтересованных пользователей и усилению доверия к результатам аудита.

Таким образом, конфликт ожиданий в отношении выявления недобросовестных действий является фундаментальной проблемой аудиторской профессии. В исследовании раскрыты сущность и содержание основных компоненты данного конфликта (конфликт знаний, реализации и развития), их причины, пути разрешения и ограничения, а также продемонстрированы современные тенденции в развитии методологии аудита, направленные на преодоление существующих барьеров.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку эффективности пересмотренного МСА 240, анализ практического применения предложенных подходов к выявлению недобросовестных действий, а также внедрение технологических инноваций в аудиторские процедуры.

Список использованных источников:

1. Deepal A. G., Jayamaha A. Audit expectation gap: a comprehensive literature review // *Asian Journal of Accounting Research*. – 2022. – Т. 7. – №. 3. – С. 308-319.
2. ACFE Occupational Fraud 2024: Report to the Nations [Электронный ресурс]. – URL: <https://legacy.acfe.com/report-to-the-nations/2024/> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Deshmukh A., Karim K. E., Siegel P. H. An analysis of efficiency and effectiveness of auditing to detect management fraud: a signal detection theory approach // *International Journal of Auditing*. – 1998. – Т.2. – №.2. – С. 127-138.
4. Sikka P., Puxty A., Willmott H., Cooper C. The impossibility of eliminating the expectations gap: some theory and evidence // *Critical perspectives on accounting*. – 1998. – Т. 9. – №. 3. – С. 299-330.
5. Saladrígues R., Grañó M. Audit Expectation Gap: Fraud detection and other factors//*European Accounting and Management Review*–2014. – Т.1.–№ 1

6. Гутцайт Е. М. Разрыв ожиданий и отечественный аудит // Аудитор. – 2011. – №. 4. – С. 15-21.
7. Робертсон Дж. К. Аудит : перевод с английского / фирма «Контакт». – Москва : Инвест фонд, 1993. - XI, 495.
8. Closing the Expectation Gap in Audit. ACCA [Электронный ресурс]. – URL: https://www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/professional-insights/ExpectationGap2021/Closing_the_expectation_gap_in_audit_EN_final.pdf/ (дата обращения: 20.05.2025).
9. Международный стандарт аудита 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с международными стандартами аудита» // КонсультантПлюс – компьютерная нормативно-справочная система.
10. Сушков В. М. Неотъемлемые ограничения выявления недобросовестных действий в ходе аудита финансовой отчетности // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: Материалы VI Международной студенческой научной конференции, Москва, 22–23 мая 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2024. – С. 418-425.
11. Fraud and Going Concern in an Audit of Financial Statements. IAASB [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iaasb.org/publications/fraud-and-going-concern-audit-financial-statements/> (дата обращения: 20.05.2025).
12. Международный стандарт аудита 240 «Обязанности аудитора в отношении недобросовестных действий при проведении аудита финансовой отчетности» // КонсультантПлюс – компьютерная нормативно-справочная система.
13. Международный стандарт аудита 620 «Использование работы эксперта аудитора» // КонсультантПлюс – компьютерная нормативно-справочная система.
14. Суйц В. П., Хорин А. Н., Козельцева Е. А. Услуга форензик: профессиональное обучение и регулирование в зарубежных странах // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – №. 2. – С. 194-199.
15. Сушков В. М. Применение методов интеллектуального анализа данных в аудиторских процедурах в ответ на риски существенного искажения вследствие недобросовестных действий // Экономические науки. – 2024. – №. 239. – С. 215-223.
16. Международный стандарт управления качеством 1 «Управление качеством в аудиторских организациях, проводящих аудит или обзорные проверки финансовой отчетности, а также выполняющих прочие задания, обеспечивающие уверенность, или задания по оказанию сопутствующих услуг» // КонсультантПлюс
17. Revised ISA 240 Project. IAASB [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iaasb.org/consultations-projects/fraud/> (дата обращения: 20.05.2025).